

THE VITALITY OF THE IMAGINARY AND “HARSH REALITY”

DOI 10.15826/qr.2022.2.689

УДК 394.2:930.85 + 1:304.9 + 94(470)"1917"

Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств*

Тaisia Паниотова

Максим Романенко

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities**

Taisia Paniotova

Maxim Romanenko

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This paper considers revolutionary festivities as one of the main manifestations of the Soviet culture of the 1917–1920s. Festivals varied in types and forms (mainly mass performances) and came to make part of the space of utopias in the first post-revolutionary decade. In this context, utopia is regarded as a cultural form of the sensual and rational comprehension of social reality. It produces ideas about happiness and harmony in response to the eternal human need both to foresee the future and to model it. According to recent findings in utopian studies (Ernst Bloch, Frederic Jameson, etc.), a utopia is articulated not in the form of literary texts containing the ideal blueprints of a new social order, but in the form of various intentions that contain the ability and skill to wish for the best, create alternative projects of the future, and criticise what hinders its

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19–311–90062 и № 20–011–00581.

** *Citation:* Paniotova, T., Romanenko, M. (2022). The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 577–592. DOI 10.15826/qr.2022.2.689.

Цитирование: Paniotova T., Romanenko M. The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 577–592. DOI 10.15826/qr.2022.2.689 / Паниотова Т., Романенко М. Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 577–592. DOI 10.15826/qr.2022.2.689.

achievement. Revolutionary festivities are interpreted as a set of value-based cultural practices – iconic actions and artifacts associated with memorable events, outstanding personalities, and special ceremonials. The use of the method of imaginary reconstitution of society (IROS) by Ruth Levitas and the model of a revolutionary festival constructed by Mona Ozouf as a theoretical tool make it possible to reconstruct the utopian dimension of Soviet revolutionary festivities. The festival chronotype is analysed through the prism of three modes of utopia as a method: archaeological, ontological, and architectural. There are interacting strategies or techniques – defamiliarisation, criticism, creating an alternative, and experiencing it – that work on the coherent image of a positive future. The research optics constructed in this way make it possible to reveal why, in the absence of holistic pictures of the future, revolutionary festivities nevertheless involved participants in forming a new political, social, and cultural order, as well as legitimising the revolution. The article refers to the description of the festivities in the publications of contemporaries of that epoch, i. e., authors (A. Piotrovsky) and critics (O. Tsekhnovitser, N. Shubsky et al.).

Keywords: Soviet revolutionary festivities, utopia, future, past, revolution, Ruth Levitas, Mona Ozouf

Рассмотрены революционные празднества – одно из основных проявлений советской культуры 1917–1920-х гг. Праздники во всем многообразии их видов и форм (преимущественно это были массовые постановки и инсценировки) оказались включены в пространство сотворения утопии первого послереволюционного десятилетия. В данном контексте под утопией понимается культурная форма чувственно-рационального освоения социальной реальности, продуцирующая представления о счастье и гармонии в ответ на извечную потребность человека не только в предвидении будущего, но и в его моделировании. Согласно последним исследованиям в области utopian studies, утопия артикулируется не только в виде литературных текстов, содержащих идеальные образы нового социального порядка, но и в виде различных интенций – возможности и навыка желать лучшего, создавать альтернативные проекты будущего, подвергать критике то, что мешает его достижению. Революционные празднества трактуются как совокупность ценностно наполненных культурных практик – знаковых акций и артефактов, связанных с памятным событиями, выдающимися личностями и особым церемониалом. Применение в качестве теоретического инструментария метода воображаемой реконструкции общества Р. Левитаса и модели революционного праздника М. Озуф позволило реконструировать утопическое измерение революционных празднеств. Праздничный хронотип анализируется сквозь призму трех модусов метода воображаемой реконструкции общества (утопии-метода): археологического, онтологического и архитектурного. В качестве взаимодействующих стратегий-приемов, работающих на общий образ воображаемого будущего, выступают остранение, критика, создание альтернативы и ее переживание. Выстроенная таким образом исследовательская оптика позволила ответить на вопрос, почему революционные празднества при отсутствии

целостных картин будущего все же приобщали участников к становлению нового политического, социального и культурного порядка и легитимизировали революцию. Источниками описания конкретных постановок послужили публикации современников той эпохи – авторов и критиков (А. Пиотровского, О. Цехновицера, Н. Шубского и др.).

Ключевые слова: советские революционные празднества, утопия, будущее, прошлое, революция, Р. Левитас, М. Озуф

В *utopian studies* в последние несколько десятилетий произошел поворот от рассмотрения литературных утопий к изучению утопических импульсов как присущей человеку универсальной интенции [см.: Jameson], мечты о лучшем будущем, воплощающейся в искусстве, архитектуре, культурных практиках, перформативных актах, политических движениях и т. п. Среди них – революционный праздник со свойственным ему утопическим измерением. По мнению М. М. Бахтина, «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты – в конкретных формах определенных праздников – и создавали специфическую праздничность праздника» [Бахтин, с. 14]. Мотивы смены и обновления органично присущи и утопической мысли, подъем которой приходится на периоды глобальных исторических сдвигов и социокультурных кризисов. Глубинная связь между утопией и праздником наиболее ярко проявилась после Октябрьской революции 1917 г. – одного из наиболее кризисных и судьбоносных моментов в истории России. Как утверждала К. Кларк, «двадцатые можно назвать самым утопическим десятилетием всей советской истории. Утопическое воодушевление переживали тогда не только большевики и другие энтузиасты революции, но и многие неревolutionные интеллектуалы» [Clark, p. 175]¹. Реализацией этой потребности становятся революционные празднества, выполнявшие различные функции – коммуникативную, идеологическую, воспитательную, рекреативную, художественно-эстетическую и др. Цель статьи – реконструкция утопического измерения революционных празднеств 1917–1920-х гг., и в первую очередь роли, которую они играли в легитимизации советской цивилизации и формировании позитивного образа ее будущего.

Выделение утопического измерения революционных праздников основывается на понимании утопии как универсальной культурной

¹ В стихотворении Н. Тихонова «Перекресток утопий» (1918) в этом контексте прославлялся энтузиазм «первых апостолов дерзання», которые строят мир «по новому масштабу в крови, в пыли, под пушки и набат», одновременно поэт предрекал варианты осуществления утопии: «день в невиданном сиянье» или «новая, невиданная ночь!» [Тихонов, с. 315].

формы чувственно-рационального освоения социальной реальности в образах-концепциях, синтезирующих представления о счастье и гармонии и отвечающих человеческой потребности в предвидении и моделировании альтернативных вариантов исторического развития [Паниотова]. Данное определение относится только к позитивной утопии и не распространяется на ее деривации (антиутопия, дистопия и т. п.). Универсальность утопии предполагает возможность ее воплощения как в литературных текстах, так и в различных культурных практиках, политических акциях, видах и жанрах искусства и т. п. При этом нельзя не согласиться с Ф. Полаком, уточнявшим, что, хотя эстетическая составляющая и присуща утопии, «было бы неправильно относить ее к сфере искусства: эстетика не является перво-степенной мотивацией утопии, это скорее способ выражения ее идей» [Polak, p. 173]. Другой современный автор говорил о присущей утопии «патологической аберрации рациональности», которая проявляется в потребности человека порвать с настоящим и *изобрести* возможное будущее, соответствующее его стремлениям [Blanco Martínez, p. 49].

В соответствии с марксистской установкой образ будущего не может быть «пустым гаданием» на манер утопистов «насчет того, чего знать нельзя» [Ленин, 1969, с. 85], он должен формироваться из конкретных социально-экономических условий. Парадоксально, однако, что именно утопия, этот разительный, по Канту, «пример несбыточного совершенства» [Кант, с. 351], задавая некую целевую проекцию, движет историю в направлении реально возможного позитивного будущего [см.: Блох, 1991]. Как это противоречие проявилось в новых праздниках? Ведь экспликация образов будущего в виде законченных картин идеального общества встречалась в них чрезвычайно редко. Можно ли тогда предположить, что образы будущего присутствовали в революционных праздниках латентно, как *утопическое* стремление *почувствовать* будущее, приблизить или даже *пережить его* в игровой форме?

Согласно предложенному Р. Левитас методу «воображаемой реконструкции общества» (Imaginary Reconstitution of Society – IROS), утопия способна сыграть роль «критического инструмента, позволяющего расширить границы нынешних властных дискурсов» [Levitas, 2013, p. XI]. Аналитический потенциал утопии выражается не только в стремлении к «лучшему образу бытия или жизни» и холистическом мышлении о возможном будущем, но и в одновременной адаптации мышления к «принципам и практикам этого будущего» [Ibid.], с тем чтобы «вернуть нас от мировоззренческих и эстетических взглядов в социальную и структурную сферу» [Ibid., p. XIII]. Пафос изменения в этом случае направлен от индивида к масштабным преобразованиям институтов и систем.

В основе воображаемой реконструкции общества лежит идея Э. Блоха об онтологически присущем человеку стремлении к *лучшему миру* [Блох, 1991], реализацию которого Левитас [Levitas, 2013, p. 153–220] видит в слаженной работе трех модусов утопии – археологиче-

ского, онтологического и архитектурного, представляющих разные аспекты одного и того же метода.

Археологический модус ответственен за критический подход к действительности: подвергая наличный опыт острашению (очуждению), утопический взгляд как бы обнаруживает в нем фрагменты хорошего общества, названные Джеймисоном утопическими импульсами. Онтологический модус имеет дело с социальной инфраструктурой общества и носителем альтернативного образа, а потому подразумевает категорию субъекта. По мнению Левитаса, появление субъекта оправдано, во-первых, тем, что любые спекуляции о хорошем обществе или совершенном будущем должны хотя бы имплицитно исходить из нашего собственного опыта, а, во-вторых, утопии-методу требуется переживание, достижение определенного уровня аффекта, который в итоге «признается ответственным за стремление реализовать утопию» [Каспэ, с. 86–87]. Задача архитектурного модуса состоит в создании метафорического пространства, где происходит сборка этих фрагментов в альтернативный холистический образ будущего, который, в свою очередь, становится доступным для переживания и оценивания [Levitas, 2011, p. 56].

Другим методологическим ориентиром для исследования утопического измерения праздника является модель революционного праздника, сконструированная М. Озуф на примере Великой французской революции. В ней выделены базовые структурные элементы революционного праздника: пространственные и темпоральные представления, образы преодоления и перехода.

Эта концепция исходит из нескольких предпосылок. Во-первых, убеждение, что празднества – не просто развлечение, это рефлексия на революцию и осознание «начала новой эры». Во-вторых, понимание того, что, в отличие от разрушительного характера самой революции, празднества полны творческого созидательного пафоса. Главное в них – воссоздание внутренней структуры нового порядка и подведение революции к некоторому логическому завершению. Так появляется место для утопии, происходит «встреча мечты с революцией», ведь последняя «воспринимает утопические каноны как руководство к действию и прозревает в них очертания иного мира» [Озуф, с. 20]. Утопические черты революционного праздника помогали преодолевать историческую ограниченность момента, предопределяли новое понимание времени и пространства.

«Открывать новое и небывалое»

Под революционными празднествами будет пониматься совокупность культурных практик, видов и форм праздничных церемоний, атрибутов, ритуалов, связанных с выдающимися личностями, знаковыми событиями, ценностями, «иногда с ценностью высшего порядка, которая является святыней (*sacrum*) для празднующей группы» [Жигульский]. Праздники «могли быть реализованы в различных

формах – митинга, демонстрации, игры, театрального действия, инсценировки» [Шалаева], а потому представляли собой особый вид социокультурной деятельности.

Особенностью утопического содержания постреволюционных культурных праздничных практик было подчеркнутое остранение или очуждение не существующего, а *старого эксплуататорского строя* для того, чтобы, представив непривычным образом свойственный той эпохе ход жизни, дать ему критическую оценку и признать неудовлетворительным.

Критический пафос революционных празднеств состоял в деконструкции и ниспровержении легитимности, социальной и политической обоснованности дореволюционной системы. Такой творческий сдвиг позволял не просто взглянуть на социально-историческую ситуацию извне, но и придать ее критике достаточную степень убедительности.

Этот значимый для авангардной культуры прием обнаруживает конвенциональность не только языковых и литературных форм, но и социального устройства, в том числе представлений об истории, времени, личности, сексуальности и др. Применение различных техник, таких как прерывание традиционной повествовательной структуры и свободное обращение с ней, акцент на взаимодействии в пространстве в ущерб линейности повествования, использование монтажа и одновременности неодновременного, дефрагментация, обращение к собственной рефлексивности и т. д., вырывает человека из привычных представлений о мире. Дальнейшее развитие, уже в сочетании с утопическим воображением, порождает осознание необходимости и даже неизбежности перемен, вплоть до самых радикальных.

Остранение также важно как поворот для борьбы с так называемым «плохим» утопизмом. Этот тезис сформулировал М. Гардинер, применивший утопическую оптику для интерпретации концепции карнавальности Бахтина [Gardiner]. Автор обращается к идее Джеймсона о том, что утопия в принципе может находиться и на службе господствующей идеологии, проецируя таким образом «ложное» коллективное единство посредством своего трансцендентного статуса. Разработка праздничных сценариев и их постановка находились в ведении органов агитации и пропаганды и связанных с ними культурно-просветительских организаций, которые первоначально входили в армейские структуры (например, Театрально-драматургическая мастерская Красной армии), а позже перешли под управление Политпросвета при Наркомпросе (например, Центральная агитационная студия Политпросвета). Практически сразу сформировался круг экспертов-профессионалов (А. Пиотровский, М. Аппетин, С. Радлов, А. Кугель и др.), создававших сценарии праздников, которые распространялись для постановок в разных городах страны.

Порожденное революцией ощущение большого разрыва предопределило новый характер восприятия времени, символической репрезентации которого в массовых празднествах и мистериях отво-

дилась значительная роль: в инсценировке «Историческое развитие Спартака», происходившей в 1925 г. в Ленинграде и демонстрировавшей развитие спорта, присутствовала задрапированная красным «аллегорическая фигура “Времени”», вызывающая ассоциации с актуальной революционной эпохой [Лежоева, с. 185].

При разработке сценария важно было учитывать, что пропаганда ведется среди малограмотного и часто неграмотного населения, а потому представлять историю и теорию классовой борьбы нужно было на языке, понятном широким массам. Для максимальной наглядности, а также ради достижения мифологического эффекта вневременности и приобщения к прошедшим событиям как к актуальной реальности нередко пренебрегали цельностью, правдоподобностью и последовательностью отдельных исторических эпизодов. В результате складывался новый дискретный образ времени, который соответствовал цели объединять и объяснять события, включенные в разные повествовательные структуры.

Примеры подобных анахронизмов можно найти в целом ряде празднеств и мистерий. Так, в постановке «Свержение самодержавия» (Петроград, март 1919 г.) наблюдается «совершенно условное понимание сценического времени (переброски от 1905 к 1917 г. и дальше без занавеса и антракта)» [Пиотровский, 1926, с. 60]. Участниками массового зрелища «Меч мира» (Петроград, февраль 1920 г.), описывающего события заключения Брестского мира и создание Красной гвардии, были «три волхва, цари Симон, Асур и Мельхиседек», пришедшие «приветствовать Владыку Мира, рожденного под Красною Звездой» [Пиотровский, 2019, с. 785]. В одной из антирелигиозных постановок в Ленинграде (май 1929 г.) трагический накал – момент судилища и сожжения ученого инквизицией – разрешается, как бы абсурдно это ни выглядело, появлением пионеров и пожарных, разогнавших фанатичных изуверов [Цехновицер, 1931, с. 30].

Такой подход демонстрирует одну из характерных особенностей утопического сознания как формы чувственно-рационального освоения социальной реальности – свободную трансформацию временного континуума, отношение ко времени как к пластическому материалу: «С одной стороны, оно может обладать способностью к переживанию будущего, еще не существующего как настоящее, или даже прошлого, с другой – может воспринимать прошлое, уже не существующее как будущее или настоящее» [Кирвель, с. 50].

Анализируя хронологическую модель празднеств, С. Ю. Малышева с опорой на замечания К. Кларк и Дж. фон Гельдерна приходит к выводу о смешанном характере этой модели, сочетающей линейно-прогрессистское и цикличное понимание сюжетов и событий прошлого. Идея классовой борьбы, торжествующей в мире и достигшей кульминации в Октябрьской революции, в конкретных исторических сюжетах сводилась к простой стандартной схеме – страдание, борьба, поражение – «пока этот замкнутый круг, набор схожих циклов, не был

разорван событиями октября 1917 г. в России. Здесь цикличность нарушалась, и идея прогресса торжествовала» [Малышева, с. 687]. Тем самым подчеркивалась не только грандиозность произошедшего события (и в национальном, и во вселенском масштабе), но и его историческое значение, указывающее на чаяния угнетенных как в близком, так и в далеком прошлом.

Развивая эти идеи в русле концепции Э. Блоха, можно сказать, что в празднике, понимаемом как «конкретная утопия», «направляемый ею прогресс актуально оживляется и опосредуется не только через верность революционному прошлому, но и другим традиционным обязательством, памятью», а настоящее «является тем Фронтом, который может разрешить в одном и переработанное прошлое, и запланированное будущее» [Блох, 1997, с. 178–179].

Не менее важным для утопического измерения революционных празднеств было выстраивание отношений с пространством, и в этом виделся большой дидактический потенциал. Происходила деконструкция нейтрального восприятия пространства, а также его дальнейшая фрагментация и наделение отдельных частей специфическими функциями.

Деконструкция и перекодировка пространства были направлены на его присвоение. Решались две задачи: либо создать новое пространство, либо же переделать имеющееся, «разметить его границы и выбросить все лишнее, расставить в нем нужные атрибуты, проложить к нему пути» [Озуф, с. 176]. Наиболее ярким примером реализации этих задач стал «План монументальной пропаганды», идею которого Ленин, по утверждению Луначарского, непосредственно позаимствовал у Кампанеллы [Луначарский, с. 198]. Это была своеобразная школа или музей под открытым небом. На стенах Города Солнца были изображены представители флоры и фауны, научные достижения и рукотворные изобретения, а также их создатели, исторические деятели наряду с мифологическими и религиозными персонажами [Кампанелла, с. 41–42].

Подписанный Лениным окончательный список лиц, которым надлежало соорудить памятники, включал 66 имен, среди них 31 место принадлежало революционерам и общественным деятелям, 20 – писателям и поэтам, 3 – философам и ученым, 7 – художникам, 3 – композиторам, и 2 – актерам². По мнению С. Семенцова и В. Сперанской, эта программа способствовала «созданию уникальной художественной концепции формирования на улицах и площадях города летописи вершин культуры и духа» [Семенцов, Сперанская, с. 40], иначе говоря – переоформлению пространственной среды в соответствии с революционными идеалами. Массовые собрания и праздничные постановки часто сопровождали открытие памятников и монументов, будучи тематически к ним приуроченными. Этими практиками, по словам Плаггенборга, новая власть стремилась «замаскировать от-

² Декрет СНК РСФСР от 12.04.1918 «О памятниках Республики».

сутствие своей собственной истории с помощью сконструированной преемственности. Только постулат преемственности идей обеспечивал им [большевикам] возможность ее великолепного исторического завершения» [Плаггенборг, с. 276–277].

Повсюду шло отвоевывание пространства у прошлого. Важно было не просто разрушить «места памяти» предшествующих эпох, но и развеять окружавший их символизм, перекодировать их смыслы в соответствии с новым видением реальности. Эту задачу в том числе выполняли и празднества, вовлекая «места памяти» в действия. Например, в инсценировке к десятилетию революции здание Петропавловской крепости превращалось в одного из участников постановки и обнаруживало «свое лицо гигантской тюрьмы. На стенах ее вспыхивают транспаранты – огромные окна с тюремными решетками» [Цехновицер, 1931, с. 22]. Аналогичным образом обходились с монументами прошлого. В те же октябрьские дни памятник Александру III был помещен «в громадную клетку, сбоку которой воздвигнута конструкция с маховым колесом – символ страны Советов на стройке» [Там же, с. 119].

Революционный праздник способствовал присвоению пространства и через установление собственных символических маркеров. Содержательную подборку праздничных сюжетов приводит С. Ю. Малышева, показывая, как «производился “перенос” ауры сакрализованного пространства Петрограда на местные объекты» [Малышева, с. 693]. Но в первую очередь, разумеется, демонстрировались пространственные амбиции революции, призванной охватить своим пламенем весь земной шар. Этому пафосу отвечала постановка празднеств и инсценировок на больших территориях. Уже в первые послереволюционные годы размах празднеств достиг необычайных масштабов: значительно возросло количество участников и зрителей, действие переносилось на открытые пространства – улицы, площади, воду и воздух. В первомайской постановке «Мистерия освобожденного труда» (май 1920 г.) принимали участие до 2 тыс. чел., а в постановке «К мировой коммуне» у Фондовой биржи (июль 1920 г.) – уже до 6 тыс. чел. В ноябре 1920 г. на всем пространстве площади Урицкого³, включая Зимний дворец, Александровскую колонну и арку Главного штаба, было осуществлено грандиозное зрелище «Взятие Зимнего дворца» [Цехновицер, 1931, с. 17–18]. Количество участников в нем составило по разным оценкам от 6 до 10 тыс., при этом присутствовало от 45 до 100 тыс. зрителей [Малышева, с. 691]. «Масштабомания» празднеств и постановок не только символизировала идею мировой революции, но и позволяла утопии говорить о свободе на языке пространственных метафор. Открытость пространства революционного праздника выражала преодоление границ, непрерывную и безграничную устремленность к трансформации мира.

³ Дворцовая площадь в Санкт-Петербурге с 1918 до 1944 г. называлась площадью Урицкого. – Т. П., М. Р.

«Всего важнее накопить побольше обломков...»

Устремление в новый мир должно было исходить из некоторой начальной или рубежной точки, отделяющей мир будущего от старого мира или даже порывающей с ним. Гранью, порогом между «прошлым» и «настоящим», между «добром» и «злом», «правильным» и «неправильным» была Октябрьская революция. Как писал Н. М. Польщиков, «время “порога” между старыми и новыми эонами возлагает на человека миссию: пересоздать без губительных потерь и ошибок и ориентировать на грядущее бесконечно расширяющийся универсум. Радость творения, торжество рождения нового облика мира и возвращения первоначал, счастье свершившегося подвига выражены праздником» [Польщиков, с. 313].

Идея первоначала с символикой преодоления и обновления заняла центральное место в концепциях революционных празднеств, ведь в ней «проявляются обе стороны эсхатологических ожиданий: неизбежная гибель мира и его новое рождение в преображенном виде» [Горин]. Она соответствовала общему пафосу культуры постреволюционного десятилетия.

В контексте утопии-метода ситуация преодоления – это переход от критики прошлого к созданию альтернативы. В празднествах, где отсутствовало детальное изображение нового мира [см.: Stites, p. 97; Мазаев, с. 329–330; Малышева, с. 688], устремления к грядущему обыгрывались через мотивы разрушения. «Разрушительные» сюжеты часто складывались из сцен судилищ и наказаний прошлого или образов его носителей. Особой популярностью в ранних постановках пользовались обряды «сожжения старого строя», когда в кучи сбрасывались, а затем торжественно сжигались под звуки «Интернационала» и общего ликования короны, гербы, портреты и другие атрибуты, по мнению толпы, символизировавшие старый режим. Подобные «казни» устраивали и для набитых соломой чучел генерала, помещика, купца и т. д.⁴ Переходные мотивы обыгрывались не только посредством символического уничтожения. Идеи обновления миропорядка воплощались через художественное оформление празднеств и игры с пространством. Масштабные футуристические декорации, изготовленные Н. И. Алтманом, Д. П. Штеренбергом, И. А. Пуни, В. В. Лебедевым к празднествам 1918–1919 гг., не просто украшали место действия. Они, закрывая собою «святыни», дворцы и памятники, разрушая их привычный облик новыми формами, выполняли, по словам Я. Тугендхольда, «революционную миссию» – подрывали «старые рабские чувства» [Тугендхольд, с. 18] и расширяли тем самым пространство воображения.

Способом реализации мотивов преодоления были сцены столкновения и борьбы. Топографически это решалось с помощью противостояния двух пространств. Так, действие инсценировки, посвящен-

⁴ В событиях явно спроецированы образы архаической мифологии, представленные в эсхатологических мифах, см.: [Мелетинский, с. 222–225].

ной второй годовщине Февральской революции в Петрограде (март 1919 г.), разворачивалось на двух противоположных площадках – «самодержавной» (с Зимним дворцом и полицейским участком) и «революционной» (с заводом, фронтовым комитетом и революционным штабом). Они соединялись третьей площадкой – проходом, на котором и происходили столкновения [Цехновицер, 1927, с. 41]. В дальнейших празднествах и постановках третий элемент пространства как «мост между двумя мирами – арена их столкновений» встречается все чаще [Шубский, с. 4]. Двумя площадками («красной» и «белой») были представлены столкновения в мистерии «Взятие Зимнего дворца» в 1920 г., в постановке «О Коммуне» в 1921 г. (революционный Париж и белый Версаль), в инсценировках 1927 г. на Семеновском плацу («зона красных войск» и «зона белых войск») и на площади Урицкого («капиталистическая площадка» и «площадка СССР»). Все названные постановки происходили в Петрограде. В подобной «топографической» организации пространства А. Пиотровский видел успех празднеств 1920 г. [Пиотровский, 1926, с. 64].

Сюжеты столкновений, преобразующих мир после революционного апокалипсиса, акцентировали внимание на разрушительном начале революции и не раскрывали в полной мере ее позитивного значения. Мироощущение, создаваемое празднествами, как писал А. И. Мазаев, «есть мироощущение по преимуществу только сдвига» [Мазаев, с. 330], ему неведомы конструктивные и созидательные установки. Потому и финалом постановок и инсценировок служила, как правило, сама революция, апофеоз которой достигался массовым эмоциональным порывом, песнями, хороводами, маршами и т. д. Но, как справедливо отметил Дж. фон Гельдерн на примере «Мистерии-буфф» Маяковского, важное значение имел утопический элемент празднеств, предвещавший освобождение и гармонию будущего после апокалиптического краха старого мира. «Земля обетованная», несмотря на то что ее образ либо был мозаичен, либо вообще отсутствовал, представляла собой «конечную сумму апокалиптического уравнения» [Von Geldern, p. 68].

Мистерии и постановки не претендовали на создание готового образа идеального мира будущего, они как бы показывали путь к нему, развивая *эмоциональную вовлеченность* – своеобразный аффект, ответственный «за стремление реализовать утопию». Осуществление такого стремления можно проследить и на примере субботников (маевок), которые трактовались как «великий почин» [Ленин, 1970] и как «величайшая эпопея» [Маяковский, с. 272]. Новаторство этой формы праздничной культуры, появившейся после революции, состояло в том, что в ней отсутствовало традиционное противопоставление праздника трудовым будням. Незначительный экономический эффект от субботников перевешивала их символическая составляющая. Наиболее частыми сюжетами на праздниках-субботниках были закладка памятников, облагораживание территорий и т. д. Так, в мае 1920 г. прошли массовые

субботники: в Москве с участием Ленина были заложены памятники «Освобожденный труд» [Ленин, 1974b] и Карлу Марксу [Ленин, 1974a], в Петрограде была демонтирована ограда вокруг Зимнего дворца и был разбит сад на Марсовом поле [Пиотровский, 1926, с. 74]. Добровольный труд на благо общества не только приобщал к идеологии нового общества, но и давал ощущение соучастия в создании нового мира.

Уместно вспомнить слова М. М. Бахтина: «Чтобы какие-либо события обрели статус праздника, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира *средств* и необходимых условий, а из мира *высших целей* человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» [Бахтин, с. 13–14].

* * *

Рассмотрение революционных празднеств в рамках утопической парадигмы позволяет сделать следующие выводы.

В постреволюционный период праздник занял одно из главных мест в советской культуре, превращая простых людей в участников судьбоносных событий, рыцарей революции, а рождавшийся в праздниках эмоциональный накал способствовал ощущению единения власти и народа. В конечном счете революционные празднества выполнили свою миссию легитимации революции, гармонизации хаоса, выстраивания собственной истории и укрепления нового социального строя. Через остранение дореволюционного бытия, историзацию того, что казалось вечным и неизменным, и проявляющийся тем самым подрывной эффект критики формировался навык воображать будущее.

Основными вехами в развитии рассматриваемого навыка стали археологическая операция по остранению реальности и экскавации из нее идеалов революционной борьбы, архитектурная перекодировка пространства, создающая возможность институализации революционных идеалов, и онтологический опыт приобщения участников празднеств к практикам нового мира через эмоциональную вовлеченность и сопереживание.

Новое понимание времени и пространства, а также объясняющие метафоры социально-политических трансформаций с их образами преодоления стали теми локусами, где возникала утопия как имманентный атрибут праздника. Элементы утопической мечты латентно присутствовали и высвечивались в символах и практиках массовых шествий и постановок, вовлекая их участников в «конкретную утопию», несмотря на то, что в самих сюжетах массовых акций практически отсутствовала детально проработанная и манящая своей идеальностью картина будущего.

К концу 1920-х гг. в советской праздничной культуре происходят значительные трансформации, касающиеся как организационной, так и содержательной ее сторон [см.: Кустова; Горин; Малышева,

с. 710]. Что особенно важно – постепенно угасает утопический пафос. Но принес ли какие-то плоды воплощенный в революционном празднике симбиоз праздничности и утопии? Подобно своему прообразу – празднику Французской революции, он знаменовал «начало времен» (М. Озуф), а также, вырабатывая сопричастность идеям нового мира, утверждал его начала в настоящем.

Список литературы

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит., 1990. 543 с.

Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 49–78.

Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с.

Горин Д. Г. От карнавала к литургии: мотивы атеистической космогонии в главном советском празднике // Неприкосновенный запас : [сайт]. 2015. № 3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11510/ (дата обращения: 20.08.2020).

Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые : Размышления социолога. М. : Прогресс, 1985. 336 с.

Кампанелла Т. Город Солнца. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 228 с.

Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 432 с.

Кирвель Ч. С. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. Минск : Университетское, 1989. 190 с.

Кустова Э. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас : [сайт]. 2015. № 3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11509/ (дата обращения: 20.08.2020).

Лежеева О. М. Восьмая годовщина в клубах // Массовые празднества : Сборник комитета социологического изучения искусств. Л. : Academia, 1926. С. 182–189.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 33. С. 1–120.

Ленин В. И. Великий почин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. С. 1–29.

Ленин В. И. Речь при закладке памятника К. Марксу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1974а. Т. 41. С. 105.

Ленин В. И. Речь на митинге, посвященном закладке памятника освобожденному труду // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1974б. Т. 41. С. 106.

Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М. : Сов. Россия, 1968. 376 с.

Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. М. : Наука, 1978. 392 с.

Малышева С. Ю. Мифологизация прошлого. Советские революционные празднества 1917–1920-х годов // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2008. С. 682–710.

Маяковский В. В. Хорошо! Октябрьская поэма // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Гослитиздат, 1955–1961. Т. 8. С. 233–328.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Вост. лит., 2000. 407 с.

Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. М. : Языки славян. культуры, 2003. 352 с.

Паниотова Т. С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов н/Д : РГУ, 2004. 305 с.

Пиотровский А. И. Хроника ленинградских празднеств 1919–22 г. // Массовые празднества : сборник комитета социологического изучения искусств. Л. : Academia, 1926. С. 53–84.

Пиотровский А. И. Меч мира // Пиотровский А. И. Театральное наследие – исследование, театральная критика, драматургия : в 2 т. СПб. : Балтийские сезоны, 2019. Т. 2. С. 761–789.

Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб. : Журн. «Нева», 2000. 416 с.

Польщиков Н. М. Амбивалентность празднеств (онтологические и поэтологические аспекты) // Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 313–330.

Семенов С. В., Сперанская В. С. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестн. гражданских инженеров. 2018. № 2 (67). С. 37–47.

Тихонов Н. Перекресток утопий // Серебряный век : Петербургская поэзия конца XIX – начала XX в. Л. : Лениздат, 1991. С. 315–316.

Тугендхольд Я. А. Искусство октябрьской эпохи. Л. : Academia, 1930. 199 с.

Цехновицер О. В. Демонстрация и карнавал: к десятой годовщине Октябрьской революции. М. : Долой неграмотность, 1927. 136 с.

Цехновицер О. В. Празднества революции. Л. : ОГИЗ : Прибой, 1931. 208 с.

Шалаева Н. В. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации (1917–1920-е гг.) // Власть. 2013. Т. 21. № 1. С. 132–136.

Шубский Н. На площади Урицкого // Вестн. театра. 1920. № 75. С. 4–5.

Blanco Martínez R. La ciudad ausente. Utopía y utopismo en el pensamiento occidental. Madrid : ACAL S. A., 1999. 245 p.

Clark K. The City versus the Countryside in Soviet Peasant Literature of the Twenties: A Duel of Utopias // Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution / ed. by A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1985. P. 175–189.

Gardiner M. Bakhtin's Carnival: Utopia as Critique // Utopian Studies. 1992. Vol. 3. № 2. P. 21–49.

Geldern von J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley : Univ. of California Press, 1993. 316 p.

Jameson F. Utopia as Method, or the Uses of the Future // Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibility / ed. by M. D. Gordin, H. Tilley, G. Prakash. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2010. P. 21–44.

Levitas R. The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method // Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming / ed. by T. Moylan, R. Baccolini. Oxford : Peter Lang, 2011. P. 47–68.

Levitas R. Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society. L. : Palgrave Macmillan, 2013. XVIII, 288 p.

Polak F. The Image of the Future. Amsterdam : Elsevier, 1973. 319 p.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. 307 p.

References

Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais' Works and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 543 p.

Blanco Martínez, R. (1999). *La ciudad ausente. Utopía y utopismo en el pensamiento occidental*. Madrid, ACAL S. A. 245 p.

Bloch, E. (1991). Printsip nadezhdy [The Principle of Hope]. In Chalikova, V. A. (Ed.). *Utopiya i utopicheskoe myshlenie. Antologiya zarubezhnoi literatury*. Moscow, Progress, pp. 49–78.

Bloch, E. (1997). *Tyubingenskoe vvedenie v filosofiyu* [The Tübingen Introduction in Philosophy]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 400 p.

Campanella, T. (1954). *Gorod Solntsa* [The City of the Sun]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 228 p.

Clark, K. (1985). The City versus the Countryside in Soviet Peasant Literature of the Twenties: A Duel of Utopias. In Gleason, A., Kenez, P., Stites, R. (Eds.). *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington, Indiana Univ. Press, pp. 175–189.

Gardiner, M. (1992). Bakhtin's Carnival: Utopia as Critique. In *Utopian Studies*. Vol. 3. No. 2, pp. 21–49.

Geldern von, J. (1993). *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley, Univ. of California Press. 316 p.

Gorin, D. G. (2015). Ot karnavala k liturgii: motivy ateisticheskoi kosmogonii v glavnom sovetskom prazdnike [From Carnival to Liturgy: Motifs of Atheistic Cosmogony in the Main Soviet Holiday]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/101_nz_3_2015/article/11510/ (accessed: 20.08.2020).

Jameson, F. (2010). Utopia as Method, or the Uses of the Future. In Gordin, M. D., Tilley, H., and Prakash, G. (Eds.). *Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibility*. Princeton, Oxford, Princeton Univ. Press, pp. 21–44.

Kant, I. (1964). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In Kant, I. *Sochineniya v 6 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 3. 799 p.

Kaspe, I. (2018). *V soyuze s utopiei. Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoj kul'tury* [In Alliance with Utopia. The Semantic Boundaries of Late Soviet Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 432 p.

Kirvel', Ch. S. (1989). *Utopicheskoe soznanie: sushchnost', sotsial'no-politicheskie funktsii* [Utopian Consciousness: The Essence, Social and Political Functions]. Minsk, Universitetskoe. 190 p.

Kustova, E. (2015). Sovetskii prazdnik 1920-kh godov v poiskakh mass i zrelishch [The Soviet Holiday of the 1920s in Search of Masses and Spectacles]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/101_nz_3_2015/article/11509/ (accessed: 20.08.2020).

Lenin, V. I. (1969). *Gosudarstvo i revoliutsiya* [State and Revolution]. In Lenin, V. I. *Sochineniya v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 33, pp. 1–120.

Lenin, V. I. (1970). *Velikii pochin* [The Great Initiative]. In Lenin, V. I. *Sochineniya v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 39, pp. 1–29.

Lenin, V. I. (1974a). *Rech' pri zakladke pamyatnika K. Marksu* [Speech at the Stone-Laying Ceremony for a Monument to Karl Marx]. In Lenin, V. I. *Sochineniya v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 41, p. 105.

Lenin, V. I. (1974b). *Rech' na mitinge, posvyashchenom zakladke pamyatnika osvobodennomu trudu* [Speech at a Meeting Dedicated to the Laying of the Foundation Stone of a Monument to Liberated Labour]. In Lenin, V. I. *Sochineniya v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 41, p. 106.

Levitas, R. (2011). The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method. In Moylan, T., and Baccolini, R. (Eds.). *Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming*. Oxford, Peter Lang, pp. 47–68.

Levitas, R. (2013). *Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society*. L., Palgrave Macmillan. XVIII, 288 p.

Lezhoeva, O. M. (1926). Vos'maya godovshchina v klubakh [The Eighth Anniversary in Clubs]. In *Massovye prazdnestva. Sbornik komiteta sotsiologicheskogo izucheniya iskusstv*. Leningrad, Academia, pp. 182–189.

Lunacharskii, A. V. (1968). *Vospominaniya i vpechatleniya* [Memoirs and Impressions]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 376 p.

Malysheva, S. Yu. (2008). Mifologizatsiya proshlogo. Sovetskie revolyutsionnye prazdnestva 1917–1920-kh godov [Myths of the Past: Soviet Revolutionary Feasts of 1917–1920s]. In Repina, L. P. (Ed.). *Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii*. Moscow, Krug", pp. 682–710.

Mayakovsky, V. V. (1958). Khorosho! Oktyabr'skaya poema [Good! The October Poem]. In Mayakovsky, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 t.* Moscow, Goslitizdat. Vol. 8, pp. 233–328.

Mazaev, A. I. (1978). *Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoe yavlenie: opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya* [Holiday as a Social and Artistic Phenomenon: Experience of Historical and Theoretical Research]. Moscow, Nauka. 392 p.

Meletinsky, E. M. (2000). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaya literature. 407 p.

Ozouf, M. (2003). *Revolutsionnyi prazdnik: 1789–1799* [Revolutionary Festival: 1789–1799]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury. 352 p.

Paniotova, T. S. (2004). *Utopiya v prostranstve dialoga kul'tur* [Utopia in the Space of a Dialogue of Cultures]. Rostov-on-Don, Rostovskii gosudarstvennyi universitet. 305 p.

Piotrovskii, A. I. (1926). Khronika leningradskikh prazdnestv 1919–22 g. [Chronicle of the Leningrad Festivals of 1919–22]. In *Massovyje prazdnestva. Sbornik komiteta sotsiologicheskogo izucheniya iskusstv.* Leningrad, Academia, pp. 53–84.

Piotrovskii, A. I. (2019). Mech mira [Sword of the Peace]. In Piotrovskii, A. I. *Teatral'noe nasledie – issledovaniya, teatral'naya kritika, dramaturgiya v 2 t.* St Petersburg, Baltiiskie sezony. Vol. 2, pp. 761–789.

Plaggenborg, St. (2000). *Revolutsiya i kul'tura: kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktyabr'skoi revolyutsiei i epokhoi stalinizma* [Revolution and Culture: Cultural Marks in the Period between the October Revolution and the Stalinist Era]. St Petersburg, Zhurnal “Neva”. 416 p.

Polak, F. (1973). *The Image of the Future.* Amsterdam, Elsevier. 319 p.

Pol'shchikov, N. M. (2002). Ambivalentnost' prazdnestv (ontologicheskie i poetologicheskie aspekty) [Ambivalence of Celebrations (Ontological and Poetological Aspects)]. In *Iberica Americans. Prazdnik v iberoamerikanskoj kul'ture.* Moscow, Institut mirovoj literatury RAN, pp. 313–330.

Sementsov, S. V., Speranskaya, V. S. (2018). Leninskii plan monumental'noi propagandy i traditsii imperatorskoj stolichnoj kul'tury [Lenin's Plan of Monumental Propaganda and the Traditions of Imperial Capital City Culture]. In *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov.* No. 2 (67), pp. 37–47.

Shalaeva, N. V. (2012). Sovetskii gosudarstvennyi prazdnik kak mekhanizm formirovaniya reprezentativnogo obraza vlasti i sotsiokul'turnoi kommunikatsii (1917–1920-e gg.) [The Soviet State Holiday as a Mechanism for the Formation of a Representative Image of Power and Socio-Cultural Communication (1917–1920s)]. In *Vlast'.* Vol. 21. No. 1, pp. 132–136.

Shubskii, N. (1920). Na ploshchadi Uritskogo [On the Uritskii Square]. In *Vestnik teatra.* No. 75, pp. 4–5.

Stites, R. (1991). *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution.* N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press. 307 p.

Tikhonov, N. (1991). Perekrestok utopii [The Crossroads of Utopias]. In *Serebryanyi vek. Peterburgskaya poeziya kontsa XIX – nachala XX v.* Leningrad, Lenizdat, pp. 315–316.

Tsekhnovitser, O. V. (1927). *Demonstratsiya i karnaval: k desyatoi godovshchine Oktyabr'skoi revolyutsii* [Demonstration and Carnival: For the 10th Anniversary of the October Revolution]. Moscow, Doloi negramotnost'. 136 p.

Tsekhnovitser, O. V. (1931). *Prazdnestva revolyutsii* [Festivities of Revolution]. Leningrad, OGIZ, Priboi. 208 p.

Tugendkhol'd, Ya. A. (1930). *Iskusstvo oktyabr'skoi epokhi* [Art of the October Era]. Leningrad, Academia. 199 p.

Zhigul'sky, K. (1985). *Prazdnik i kul'tura: Prazdniki starye i novye. Razmyshleniya sotsiologa* [Holiday and Culture: The Old and New Holidays. A Sociologist's Reflections]. Moscow, Progress. 336 p.